

УДК 316.422

¹А.Т. Кулсариева*, ²Ж. Шайгозова, ²³М. Султанова¹Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Республика Казахстан, г. Алматы²Казахский национальный педагогический университет им. Абая,
Республика Казахстан, г. Алматы

*E-mail: aktolkyn777@mail.ru

Один народ – разные судьбы: Казахстан в поисках культурной идентичности

В статье анализируется опыт осмысления современным Казахстаном себя и своего места в мире, движимом масштабными глобализационными процессами. Усилия по оживлению и сохранению национальной идентичности стали заботой многих посткоммунистических стран, в том числе и Казахстана. Остро встают проблемы перехода от постсоветской идентичности к собственно этнической, и далее – к надэтнической идентичности – пониманию себя как «казахстанцев». В фокусе настоящей статьи находится проблема культурного самоопределения современного Казахстана, поиски идентичности через преодоление барьеров, являющихся как объективными результатами исторического развития нации, так и воздвигнутых искусственно самими казахами.

Ключевые слова: Казахстан, культура, идентичность, глобализация, история, оралман.

A.T. Kuksarieva, Zh. Shaigozova, M. Sultanova

One nation – different destiny: Kazakhstan in the quest for cultural identity

This article provides analysis of experience which modern Kazakhstan went through in process of determination of its own identity and place in the world in midst of rising globalisation. Attempts to restore and safeguard the national identity become common practice in post-soviet countries including Kazakhstan. The transition from soviet identity to its own identity and recognition of being «Kazakhstani» proved to be quite challenging. This article focuses on problems of cultural self-recognition in Kazakhstan, in pursuit of its own unique identity through overcoming barriers that resulted during course of historical development artificially raised by Kazakhs themselves.

Key words: Kazakhstan, culture, identity, globalization, history, repatriate.

А.Т. Кулсариева, Ж. Шайгозова, М. Султанова

Бір халық – алуан тағдыр: Қазақстан мәдени бірегейлік жолында

Бұл мақалада масштабты жаһандану үдерістері қозғалысында келе жатқан әлемдегі өз орнын және өзін анықтап отырған заманауи Қазақстанның тәжірибесі талданады. Ұлттық бірегейлікті сақтап қалу мен оған жан бітіру жолында жасалып жатқан әрекеттер көптеген посткоммунистік елдердің, соның ішінде, Қазақстанның да осы мәселеге алаңдаушылығын байқатады. Посткеңестік бірегейліктен таза этникалық бірегейлікке, одан әріде – этностан да жоғары тұрған бірегейлікке, яғни өзін қазақстандық деп тану деңгейіне көтерілу мәселесі қатты толғандырады.

Осы мақаланың орталық тақырыбы заманауи Қазақстанның мәдени өзін-өзі анықтау мәселесіне, ұлттың тарихи дамуының объективті нәтижесі ретіндегі және де қазақтардың өздері өзіне жасанды түрде қойып алған кедергілерді аттап өту арқылы бірегейлігін табуға арналған.

Түйін сөздер: Қазақстан, мәдениет, бірегейлік, жаһандану, тарих, оралман.

Сегодня Казахстан – одно из крупных государств Центральной Азии с развитой экономикой и стабильной политической ситуацией. Двадцать три года Независимости позволили иначе взглянуть и осмыслить и самих себя, и собственную историю.

В контексте настоящего исследования, авторы рискнут предположить, что всю историю казахов со всеми событиями и нюансами можно условно разделить на две части: все, что было до XX века, и то, что произошло после. Мы имеем в виду водораздел, обособивший номадическую историю народа, и, собственно, казахов как казахстанцев, не по своей воле ставшими оседлыми в XX веке.

Нивелирование основных признаков национальной идентичности – традиционного уклада жизни привело к деформации культуры и языка, что, в конечном счете, нанесло тяжелые травмы культурной памяти. Первая половина XX века ознаменовалась для Казахстана сложными, противоречивыми событиями, повлекшими практически необратимые последствия для казахской идентичности: коллективизация, голодомор, массовые политические репрессии. Результатом стало разрушение этнического самосознания на самых разных уровнях: утрата национального номадического космоса, физическая гибель простых казахов – носителей традиционного знания и целенаправленное истребление государственной машиной интеллектуальной элиты – цвета казахской культуры. Несмотря на все усилия, последующие три поколения казахов пока не в состоянии полностью сгладить шрамы, обозначившиеся более семидесяти лет назад.

Как преодолеть этот травматический «опыт»? Что необходимо сделать прямо сейчас, чтобы найти самый разумный способ сформировать новую идентичность, не разрушая и не отрицая собственной истории? И какая роль здесь отводится культуре? В данной статье мы попытаемся найти ответы на эти вопросы.

Авторы не ставят перед собой цель критиковать уже свершившиеся исторические события или пытаться внести свои корректировки в историческую летопись. Исходным здесь является социокультурный анализ современного облика Казахстана как места встречи двух казахских ментальностей как двух картин мира, пути которых разошлись около ста лет назад.

Специфические климатические условия степной зоны Евразии, в центре которой находится

Казахстан, породили особую стратегию жизнеобеспечения людей – кочевую цивилизацию. Еще на заре истории этническая картина казахского края изобиловала разнообразием арийских, индоиранских и тюркских племен, начиная от сарматов (скифов), сарматов, массагетов до гуннов, тюрков, карлуков, огузов, кимаков, кыпчаков и других этнических групп, кочевавших в разные эпохи. Более поздние тюрко-монгольские пришельцы впоследствии образовали единый казахский этнос в рамках самостоятельного государства [1]. Именно кочевой образ жизни казахов явился главным этноинтегрирующим фактором их формирования и сложения в целостную социокультурную общность [2].

Даже беглый взгляд на историю евразийского кочевничества показывает, сколь сильное влияние различных культур испытали на себе племена и народы Древнего Казахстана. Особая «заслуга» принадлежит Великому Шелковому пути. Этот уникальный исторический памятник человеческой цивилизации вновь и вновь привлекает к себе внимание исследователей, что не случайно: на протяжении многих веков он играл первостепенную роль в развитии экономики и культуры стран и народов, входивших в зону его мощного притяжения. Единая трансконтинентальная трасса, начиная со II в. до н.э., стала, по сути, своеобразным мостом между Европой и Азией, соединив Запад с Востоком. Шелковый путь оказался не только дипломатически-торговой артерией, но и крупным каналом, по которому в Древнем Казахстане распространились [3] разнообразные религиозные конфессии: зороастризм, манихейство, буддизм, христианство несторианского толка и ислам. Кочевники не отвергали не одно религиозное течение, наоборот, стремились синтезировать и адаптировать лучшие достижения человечества на «местную почву», в свою «тенгрианскую» сущность. Природа кочевничества и Шелковый путь способствовали формированию людей особого склада, с «иным» в отличие от земледельцев взглядом на мир, культурными ценностями, предпочтениями и идеалами.

Казахское кочевничество, беря свое начало с эпохи индоиранских племен, синтезируя в себе достижения сакской, позже тюркской и монгольской культуры, динамично развивалось вплоть до XIX века. Постепенное изменение культурных ценностей казахов-кочевников началось с присоединения Казахского Ханства к России. «Очевидно, что одним из средств удер-

жания народов было то, что Россия навязывала народам окраин имперские идеи, приобщала к имперской политической культуре, умело используя аудиовизуальные, сенсорные каналы восприятия. Другим способом удержания народов было изменение образа жизни. Исподволь, Россия навязывала кочевым народам окраин хлебную пищу, включив зерно и муку в состав жалования знати. Россия планомерно приучала кочевников к городскому образу жизни, устраивая пышные приемы знати в городах. Результаты незамедлительно сказались. Уже через несколько лет казахская знать начала возводить усадьбы, обустраивать стационарные места проживания, обставлять дома по европейскому образцу» [4].

Такими способами Российская Империя «приучала» казахов-кочевников к «имперской культуре». Едва ли самым страшным явилось изъятие лучших пастбищных угодий казахов. Так, в конце XIX – начале XX в. кочевые казахи уже не имели права свободно передвигаться по традиционным маршрутам кочевания, поскольку реформой 1867-1868 гг. земли Казахстана были объявлены государственной собственностью Российской Империи, и активно продвигалась переселенческая политика. Традиционный уклад жизни казахов постепенно деформировался. Земельный дефицит провоцировал оседание казахов. При этом «из многочисленных архивных сведений, составленных правительственными чиновниками, которых трудно заподозрить в симпатии к автохтонным жителям обширной степи, явствует, что казахи неоднократно ставили вопрос о разработке в действующем законодательстве положений, которые гарантировали бы в реальной жизни защиту земельных интересов коренного населения» [5]. Поэтому «Великую столыпинскую» аграрную реформу можно считать началом конца казахского кочевничества. Об этой реформе в науке накопилось достаточно исследований, не ставя задачи их анализа, перейдем к самому главному: пытаясь решить проблемы обедневшей безземельной и беднеющей малоземельной крестьянской массы России, реформаторская деятельность П.А. Столыпина спровоцировала трагические события в Великой степи.

К началу XIX в. вследствие политики Имперской России участились междоусобные столкновения в Младшем жузе [6], которые привели к экономическому кризису, массовому разорению казахов. Целыми аулами казахи переходили

пограничную линию, на русскую территорию. От безысходности многие казахи пытались попасть в казачьи войска. «С 1846 г. Сибирскому войску дозволялось принимать в свой состав казахов. Но для казаха самый простой путь в войско лежал через крещение» [7]. Элементарный голод вынудил людей принять православие, что влекло за собой изменение образа жизни, вхождение в совершенно диаметрально отличную культурную среду, в другой народ. Тем самым казах становился «русским».

Имперская Россия вела гибкую, хорошо продуманную политику «христианизации» казахского населения внутри этноса: «миссионеры действовали в Степи весьма осторожно. Они занимали вначале выжидательную позицию и не приступали к открытой проповеди, стараясь успокоить всех, кто боялся насильственного крещения. В этот первый период миссионеры занимались изучением казахского языка, истории ислама, знакомились с особенностями кочевого быта и готовились к возможным теологическим спорам» [8]. Как правило, миссионерская деятельность велась с разорившимися казаками (жатаки).

Были и другие моменты: стали повсеместно закрываться мусульманские школы (медресе и мектебы) в пользу русских. Шла откровенная русификация населения. Дети состоятельных казахов готовились к работе переводчиками и других чиновников администрации Российской Империи. Наиболее одаренные из них поступали в городские училища, различные специальные школы, кадетские корпуса, гимназии. Впоследствии такие дети, воспитанные в инокультурном окружении, стали проводниками нового образа жизни и имперских идей [9].

Лучшие из лучших поступали в университеты и институты Петербурга, Москвы, Казани, Томска и других крупных городов империи. К их числу относится плеяда выдающихся представителей казахской демократической интеллигенции: Турар Рыскулов, Алихан Букейханов, Мустафа Шокай, Мухамеджан Тынышпаев и многие другие. Эти люди смогли воплотить в себе идеал талантливых, «европейски» образованных казахов с крепкими национальными корнями, и всю свою жизнь беззаветно служили своему народу, Родине, в конце концов, поплатившись за это своими жизнями. Все они были репрессированы за Проект образования крупной Тюркской республики на платформе мусульманского коммунизма.

Безусловно, окончательной причиной падения поздних кочевников считается 1918 год. Этот год – точка отсчета новой эпохи, когда власть Советов распространилась на всю территорию регионов Центральной Азии. Каждой новой власти нужно сначала разрушить старое – символы старого режима, только потом конструировать новое – символы нового режима. Этим и занялась Советская власть на всей своей обширной территории Казахстана. Коренной перелом в истории развития казахского общества, произошедший в начале XX века, заставил полностью изменить все параметры существования социума. «Налицо» была несовместимость кочевых социумов с советским общественным идеалом, породившая идею насильственной коллективизации коренного населения Казахстана. Политикой «убеждения» бывшему кочевнику взамен свободы степного простора предлагались города с индустриальными пейзажами, вместо природы – техногенная среда. Это принесло свои плоды: с 1926-1939 годы все население республики увеличилось на 2,6%, а городское – на 268%. Жуткая в своей сути коллективизация дала возможность говорить о гуманитарной катастрофе 1930-х годов, где «жертвами голода стали 1798,4 тыс. этнических казахов, или 46,8% общей численности казахского населения» [10]. Коллективизация нанесла последний удар по традиционному скотоводству в Казахстане и других странах Центральной Азии [11]. «Колоссальное сокращение поголовья скота и последующий голод, несомненно, создали условия для необратимой седентаризации казахов. Радикально нарушая социальное равновесие, перемещая родовые группы в указанные территории, негативно сказываясь на передаче традиций и памяти старших поколений, вынужденная седентаризация стала для казахского социума фундаментальным переломом и, в определенной степени, насильственной декulturацией [12]. Народ в одночасье лишился своего скота, мерила и символа богатства в Великой степи еще с докочевнического периода, лишился складывавшейся веками традиционной системы жизнеобеспечения. В народе этот период называют «Ақтабан-Шубрынды» (смысловой перевод – Время Великих бедствий).

Хотя к концу советского периода скотоводство в регионе было в известной мере модернизировано, во всяком случае, в технологическом отношении. Правда, оно было модернизировано по-советски, т. е. наихудшим и наименее эффек-

тивным образом, ценой больших людских, социальных и экологических потерь, за счет государственных субсидий и полного пренебрежения природным фактором. Например, в Казахстане количество скота превысило оптимальное, и это привело к перевыпасу и деградации пастбищ. Даже если бы Советский Союз не окончил свое бесславное существование, бесконечно долго такое положение дел продолжаться не могло [13].

Без преувеличения будет сказано еще об одной составляющей стороне трагедии казахской степи XIX-XX веков: сталинские репрессии. В начале 30-х годов были проведены фальсифицированные политические процессы. Физическое истребление представителей коренной национальности стало уничтожением основных носителей генофонда казахского народа. Под удар попадали, прежде всего, две категории: простые кочевники – хранители традиций, не желавшие или не умевшие изменить свой образ жизни и мыслей; и цвет интеллигенции – обладатели духовного потенциала, питающего кочевническую культуру, которое произошло как следствие сталинского «антинародного политического режима» [14].

Репрессии получили устрашающе чудовищный размах. При этом репрессии подвергались и «носители традиционных знаний» – казахские шаманы-баксы, которых Я. Ассман называет особыми носителями культурной памяти [15].

Именно в этот период усилилась тенденция миграции, и около миллиона этнических казахов из своей исторической родины было вынуждено откочевать в соседние страны. Это был первый путь формирования казахской диаспоры, но существовал и второй путь: «проведение государственных границ отделяло часть народа и затрудняло ее общение с основным этническим массивом» [16], этот процесс в науке называют ирредентизмом [17]. Так, во второй половине XIX в. после установления русско-китайской границы часть казахов, издавна имевших зимовки на территории бывшей Цинской империи, оказалась в подданстве Китая. Впоследствии, в 1916 г., после подавления антиколониального восстания, и в 1932-1934 гг., во время раскулачивания, коллективизации и голода некоторые казахские роды откочевали из Казахстана в Синьцзян и приняли китайское подданство [18]. Основная концентрация казахов-мигрантов пришлась на Россию, Узбекистан, Туркменистан, Иран, Турцию, Монголию и Китай.

В силу особых историко-политических обстоятельств один народ был искусственно «разделен» на две части «оралманы» и «местные» («материнский этнос», «этнический очаг»), что естественно не могло не отразиться на разрыве некогда единой культуры на две, условно называемые нами: «оралманской» и «местной» («материнской»). Обе эти культуры развивались самостоятельно и независимо друг от друга, в лоне тех условий, в которые они попали. При этом коммуникация между ними была совершенно исключена, закрыта «плотным занавесом» Советов. О специфике казахской советской культуры, формировании казахской идентичности в лоне Советов и «культурных травмах» традиционной культуры речь пойдет в следующей части нашей статьи.

С периода Независимого Казахстана, в 1990-х годах репатриация казахов на историческую родину была объявлена одним из приоритетов миграционной политики Казахстана. В ее рамках в стране приняты основополагающие законодательные документы: Концепция репатриации этнических казахов на историческую родину [19] и Закон «О миграции населения» [20]. В Концепции акцентируется роль оралманов-казахов как фактора, способствующего «увеличению численности и естественного прироста населения, оздоровление демографической ситуации в стране» [21]. На 2009-2011 годы правительством Казахстана разработана и принята новая программа для репатриантов «Нурлы Кош» (Светлое кочевье). Само понятие «оралман» (в переводе на казахский означает «возвратившийся») уникально и мировой практике оно неизвестно [22]. По последним статическим данным число оралманов-казахов в Казахстане превысило 700 тысяч человек [23]. Если рассматривать коренное население, в самом Казахстане насчитывается более 9 миллионов, тогда 700 тысяч внушительное число, и мы надеемся, что число оралманов будет расти из года в год.

Независимый Казахстан – мечта предков, воплощенная сегодня. Мечта, которая досталась нелегко. В течение короткого времени Казахстан пережил несколько травм, слоями «пирога» одна накладывалась на другую. Начиная с разрушения кочевой культуры, уничтожения ключевых ценностей и основ идентичности; продолжая «вталкиванием» в поле новой «советской» культуры, в которой произошло не только ее насильственное установление, но и репрессии духовной элиты страны; и заканчивая, явным

увлечением западной культурой, господством «культурой пепси, американских фильмов и шоу и т.д.» [24]. При этом каждый раз, новый образ жизни сначала советской эпохи, а потом эпохи рыночной экономики сопровождался конфликтом с традиционной культурой. С другой, со стороны творческой элиты страны всегда наблюдалось стремление к сохранению и популяризации самобытной культуры, что видно по достижениям кинематографа, литературы и изобразительного искусства. Но очерчивая, круг этих травм надо сказать, что максимальное приближение Казахстана к сокровищнице мировой культуры скорее сыграло «не в плюс к собственной национальной культуре, а скорее в минус, скорее в потерю значительной части собственного национального «Я». Нормальная здоровая ситуация в культуре региона могла быть создана по формуле «национальная культура плюс мировая». Но в случае нашего региона процесс чаще шел по схеме «мировая культура минус национальная» [25].

Само по себе понятно, что доля творческой элиты ничтожно мала, по сравнению с основной массой населения. Именно, в массе преобладает «тип малоинициативного, граждански не активного, подавленного индивидуума» [26] с постоянным ожиданием социальной защиты. Рыночная экономика породила еще одну группу населения: предприимчивых «новых» казахстанцев, финансовое обогащение которых во главе всех жизненных ценностей. Поэтому уровень общественной активности в стране остается низким, а в массовом сознании преобладают установки, в целом неблагоприятные для развития гражданских инициатив во всех аспектах, в том числе и в сфере культуры.

С 90-х годов с потоком миграции этнических казахов дальнего зарубежья сформировалась третья социальная группа – оралманы. Правительство Казахстана пытается предпринимать определенные меры для их социальной адаптации и первоначального экономического обеспечения (в виде выдачи земельных участков, миграционной квоты, единовременных пособий и т.д.). Но, как показывает время, этих мер явно недостаточно. Многие из оралманов пополняют ряды безработных. В рамках проекта «Нурлы кош», разработанного для успешной интеграции оралманов в казахстанский социум, предусмотрено развитие макрозон – маленьких городков-спутников крупных городов. Самими оралманами эта идея трактуется неверно, «как

идея отделения людей второго сорта в резервации, что, в свою очередь, накладывает серьезный отпечаток на поведение и образ мышления оралманов. Отсюда вытекает проблема общения оралманов и местного населения. Возникающая стойкая иллюзия у оралманов о том, что их не воспринимают как личностей и носителей этноса, мешает им толерантно относиться к другим национальностям». Положение усугубляется желанием оралманов «осесть» в густонаселенных и трудоизбыточных регионах страны (Южно-Казахстанской, Мангистауской, Алматинской и Жамбылской областях), что увеличивает социальное напряжение. «Разница в менталитете, является одним из основных ключевых факторов неоднозначного, а порой и негативного отношения к оралманам» [27].

Так как же выправить формулу, заданную наличной культурной ситуацией в Казахстане? Какой найти выход из этой ситуации? Культурная травма – это данность, наша объективная реальность. Другой вопрос – как к ней относиться. *Один из вариантов: поиск «виновных» и автоматическое причисление их к врагам, а это уже чревато формированием новой мифологии и стремлением «переписать» историю [28].* Другой – последовать опыту Германии с осознанием трагедии Холокоста с анализом событий, признанием вины и продуманным и осознанным ее урегулированием [29]. И третий путь: как предлагает казахстанский искусствовед Р.А. Ергалиева, обратиться к опыту европейской культуры, которая непрерывно восстанавливала связь с миром евангельских ценностей (исключая, конечно же, эпоху постмодерна). «Многочисленное осмысление собственной базовой духовной идеи привело к тому развитому и дифференцированному уровню самосознания, с позиций которого можно говорить как о типе, так и о достоинствах, особенностях и недостатках европейского пути познания и построения жизни» [25] в эпоху модерна. Именно в эту эпоху европейская культура претворила ценности христианства в различных теориях научно-технического прогресса, учении о правах человека и активно-творческой индивидуальности личности.

Для Казахстана и других народов Центральной Азии таким неисчерпаемым ресурсом служат духовные пласты тюркской культуры. «Древнейшая, главная и сакральная для тюрка идея» – идея «изначальной гармонии, родства и тождества человека и природы» должна стать

лейтмотивом в возрождении казахской культуры. «Развивая в разных вариантах, видах и формах современной культуры эту кардинальную идею, стремясь интерпретировать в живописи или скульптуре, кино или в музыке многообразие тенгрианства, мифологии, фольклора, казахская культура может не только решить задачу возвращения национальной культуре её прошлого, её духовной почвы, но и сказать свое слово в мировой культурной полемике. В итоге, подобное направление духовного вектора, обозначенное словами «вперед в прошлое», обеспечивает культуре и возможность позитивного будущего вхождения со своим уникальным духовным наследием в культурное пространство мира» [25].

Этот процесс «вперед в прошлое», иначе его называют «Путь домой», славно начатый в 80-90-е годы прошлого столетия, продолжается в культурной ситуации Казахстана и сегодня. Он уже не хаотичен, а «вполне спокоен, официально узаконен. Поиск идентичности уже не тревожит руководство культурой, а напротив, всецело поддерживается на государственном уровне» [25]. Что убедительно показывает Государственная программа «Культурное наследие» (2004-2011), ратификация в декабре 2011 года Казахстаном Международной Конвенции об охране нематериального культурного наследия (Париж 17 октября 2003 года) и президентская программа исторических исследований «Народ в потоке истории» (2014-2016 годы). Состояние статистики позволяет взглянуть на этот процесс более осмысленно, выделяя «два потока его интерпретации». Один из них отмечен глубиной искренностью авторов, что при наличии мастерства приводит к созданию подлинных художественных шедевров, другой, будучи конъюнктурным отражением мэйнстрима, тиражирует этнические ценности и архетипы бытовой, культурной, исторической традиции на все социальные уровни от идеологического до обывательского [25]. Но и второй поток видится как «здоровая тенденция выправить когда-то перегнутую в сторону национального обезличивания палку», «закономерный и необходимый этап вживления идентификационных кодов в современную культуру Казахстана».

Именно «этапом вживления идентификационных кодов» должен называться главенствующий культурный механизм преодоления травматического опыта современной культуры Казахстана. И в этой ситуации наличие двух «казахских» культур может оказаться ее краеу-

гольным камнем, у каждой из которых есть чему «поучиться» друг у друга. Так, перефразировав известные слова Б. Дизраэли о том, что «одна нация делится на две нации – нацию богатых и нацию бедных, каждая из которых имеет свою культуру» [30], мы говорим: одна нация делится на «местных» и оралманов, и каждая из которых имеет «свою» казахскую культуру. Данный факт отмечается и в обзоре Международной организации по миграции (Алматы, 2006): хотя оралманы имеют одинаковые корни с казахами, существует определенная разница в культуре и обычаях. Это происходит потому, что оралманы сохранили традиционную казахскую культуру и жизненный стиль, в то время как казахи в Казахстане адаптировались, во-первых, к влиянию, возникшему во время советского периода, и недавним изменениям, произошедшим при переходе к рыночной экономике [31]. Думается, что потенциал обеих культур достаточно велик для восстановления культурной памяти: оралманы как носители традиционной культуры, а местные казахи как носители «модернизированной» культуры.

В результате масштабных исследований, проведенных казахстанскими учеными из *Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова МОН РК* в Монголии (2003-2013 годы), «было выявлено, что у казахов Монголии, несмотря на довольно длительную изоляцию от основного этнического массива, сохранились многие особенности традиционно-бытовой культуры, которые в условиях советского Казахстана подверглись исчезновению еще в 1950–60-х гг. Среди значительной части населения традиционная скотоводческая культура сохранилась фактически в чистом, комплексном виде. В этом плане Западная Монголия представляет собой беспрецедентный музей традиционной казахской культуры под открытым небом». Так, сохранились архаичные пласты не только хозяйственной деятельности (традиционный кочевой образ жизни), но и система духовного обеспечения этноса: «многие старинные лексические формы и обороты» языка, музыкальная и песенная традиция (развивалась как народная традиция), обрядовая и праздничная культура, охота с беркутами (ловчими птицами), традиционные казахские ремесла и одежда, практика традиционного питания (соления и сушки мяса для его долгого хранения и т.д.), «традиционный календарь, астрономия, ветеринария и др. – сохраняли свою актуальность до последнего, поскольку

были востребованы в хозяйственной деятельности скотоводов» [32].

Практически аналогичная ситуация сложилась с китайскими казахами, оказавшимися в разделе территориальных государственных границ на «своей земле», но уже под «китайским влиянием». Казахи в основной массе проживают в Или-Казахской автономной области (Алтайском, Илийском, Тарбагатайском округах), в Мурэ-Казахском (в Санчжи-Дунганском округе), Барколь-Казахском (в Хамийском округе) автономных уездах СУАР, в Аксай-Казахском автономном уезде провинции Ганьсу [33]. Уже в рамках другого проекта группой ученых Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова была осуществлена комплексная экспедиция в Китай (2013 год). Результаты которой показали: сам традиционный быт казахов Китая почти не претерпел каких-либо коренных изменений, в аулах они по-прежнему пользуются множеством таких вещей, которые мы в Казахстане теперь можем видеть только в музеях и в исторических книгах. Живописные юрты со всей необходимой натуральной атрибутикой, сделанной своими руками, гармонично вписаны в современный пейзаж Китая [34].

Превалирующее число оралманов – выходцы из Китая и Монголии. Авторами статьи были проведены полевые исследования ремесленных и культурных традиций казахов-оралманов из Китая, компактно проживающих в поселке Толкын Енбекшиказахского района Алматинской области. Многие из оралманов, особенно женщины среднего поколения 40-50 лет, не имеют образования. В силу этого женщины данного возраста домохозяйки и занимаются традиционными домашними ремеслами: ручным производством войлочных ковров – сырмаков и пошивом казахской национальной одежды. Следовательно, изначально сходные условия проживания этнических казахов Монголии и Китая с материнским этносом XIX века, и во многом практически идентичный способ жизнеобеспечения послужил «консервации» традиционной культуры, сохранению идентификационных кодов культуры. При этом в молодежной среде казахов-оралманов традиционная культура популярностью не пользуется, она, наоборот, стремится как можно быстрее интегрироваться в стремительную «модную» жизнь современного Казахстана. Поэтому ресурс «традиционности» не долговечен, в силу возраста его носителей, и с каждым годом его будет все меньше.

Говоря о потенциале местной культуры в претворении национальной идентичности, прежде всего, нужно иметь в виду ее состоявшуюся профессиональность. Она, впитав в себя новые культурные импульсы, «обогатившись инонациональным художественным и духовным опытом», наперекор всем обстоятельствам смогла «через все инновации и эксперименты» стать узнаваемой в мире мирового искусства. И на пути исторического самовоссоединения казахского народа, гармоничное соединение двух культур, или говоря языком социологов выработка «коллективного символического копинга» представителями этих культур, позволит организовать устойчивый тандем «партнеров» в восстановлении национальной идентичности в культурном процессе современного Казахстана.

Это партнерство особо актуально для молодежи, ведь именно она оказывается всегда под «ударом» при всех социальных переменах. Как отмечают В.И. Добренков с А.И. Кравченко, эффективных средств преодоления культурной травмы человечество еще не изобрело. Но все же мы попытаемся наметить реальные пути преодоления травматического опыта, которые нам видятся в русле концепции устойчивого развития, принятой на Конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» (20–22 июня 2012 года). Одним из главнейших факторов перехода Казахстана к устойчивому развитию, естественно, выступает контекст человеческого развития, или развития человеческого капитала. Поэтому «непреходяще значение научных исследований в интересах устойчивого развития, а образование продолжает трактоваться как решающий фактор перемен к лучшему. Решающая роль науки и образования в обеспечении устойчивого развития признана универсальной для всех без исключения стран и народов мира» [35].

Относительно Казахстана, в контексте развития человеческого капитала, главную нашу силу мы видим в образовании. Новые подходы к конструированию отечественного образования должны лежать в нескольких плоскостях, в том числе и в развитии креативных индустрий. Творческие индустрии – это растущий сектор, приобретающий все более сильное влияние на европейскую и глобальную экономику с точки зрения создания рабочих мест, развития предпринимательства, роста и инноваций. Творческие индустрии способствуют созданию новых путей коммуникации, новых способов взаимодействия, новых способов развлечения, новых

способов обучения и не в последнюю очередь – новых способов ведения бизнеса [36]. В развитии творческих индустрий Казахстану может помочь опыт Великобритании, Дании и других Северных стран, где государственная культурная политика полностью поддерживает этот кластер. Ведь деятельность творческих индустрий в северных странах Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии и Швеции, традиционно персонафицирующиеся как лидеры в сфере дизайна и креатива, наглядно демонстрирует их большое значение для культурного, социального и экономического благополучия страны.

Первыми в списке основных организаций в сфере творческих индустрий являются университеты Северных Стран. В Казахстане достаточно университетов культуры и искусства, на базе которых могли бы базироваться креативные индустрии, включающие широкий спектр начинаний, имеющих творческую природу: от традиционных искусств, ремесел, музыки и театра, до дизайна, моды, видео, аудио- и мультимедиа-продукции. Достаточная для начинания материальная база и ресурс в виде студенческой молодежи позволит создавать творческие продукты, которые успешно реализуются на рынке, могут составить противовес сырьевой экономике. И наконец, Казахстан начнет производить как раз те товары, в которых он традиционно силен. Примером тому служит опыт Турции 50-60-х годов XX века, когда этнические казахи «подняли» кожевенное дело: сегодня турецкие дубленки, куртки и различные кожаные изделия популярны во всем мире. Этот бизнес до сих пор называют в Турции этническим бизнесом казахов.

Польза от творческих индустрий может быть не только для самой сферы образования, которая получит дополнительные источники существования, но и для бизнеса. Ведь «мировая практика рассматривает малое и среднее предпринимательство в сфере творческих индустрий как залог развития сектора, кузницу его кадров...». Описанные в программе «Нурлы кош» макразоны для оралманов и местного (преимущественно сельского) населения вполне могли бы стать одной из форм творческой индустрии, где развивался бы Институт традиционного ремесленничества в форме малого и среднего бизнеса. Именно оралманы в силу своей традиционности здесь должны стать главной ударной силой. Формирование творческих индустрий через малый и средний бизнес обеспечит не только занятость и социальную адаптацию населения и молодежи,

но и решение прикладных задач, таких, как стабильный экономический рост не только отдельных категорий населения, но и страны в целом.

Сейчас важно объединить интересы специалистов в художественной сфере, экономистов, психологов и маркетологов, которые изучили бы мировой опыт в креативных индустриях. Если сориентировать эти области, то молодежь уже сейчас получила бы необходимый багаж знаний, чтобы дать ход своим творческим возможностям хотя бы в стенах своего вуза, сформировав арт-лаборатории. Эти маленькие ячейки смогут далее развиваться в творческие кластеры, бизнес-инкубаторы и, наконец, в полноценные творческие индустрии, формируя казахстанский «банк» творческого и интеллектуального потенциала. Сейчас едва ли не все заявляют о «самоопределении», «национальной составляющей культуры», «глобализации» и «поиске идентичности». Именно креативные индустрии способны трансформировать разрозненные факты и стремления в реальность на основе нематериальных ресурсов: традиций, истории, культурного наследия и способности к творчеству. Только тогда брэнд «Made in Kazakhstan» станет действительно узнаваемым и ценным в мире.

XX век для Казахстана – век серьезных испытаний, испытаний на прочность национального духа, этнокультурного своеобразия, культурной идентификации. С его начала казахам пришлось пережить многое: колонизация, насильственная коллективизация, миграция, голодомор, политические репрессии, депортация, национальные дифференциации, происходящие под знаком советской идеологии и многое другое. Каждый из этих «эпизодов» повлек глубокие шрамы, уродующие, а иногда и вовсе искажающие культурную память. Прямые следствия, а не «отголоски», как нам бы хотелось их представить и сейчас, во многом определяют нашу жизнь, продолжая раскалывать общество. Так, практически сто лет назад одна культура была разделена на две, которые в современной реальности вновь пересеклись в независимом Казахстане. Столь явные культурные различия оралманов и «местных» дали нам повод для обсуждения возможных путей преодоления травматического опыта казахской культуры и разумного способа формирования новой казахстанской идентичности, рационально использующего огромный потенциал обеих культур: исконно традиционной и новой «европеизированной» казахской.

Литература

- 1 Кадыр Ертай. К проблеме этногенеза казахов // Сборник научных трудов КазНУ им. аль-Фараби «Актуальные проблемы политической науки Казахстана». – Алматы, 2007. – № 4 (10). – С. 128-132.
- 2 Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. – Алматы: «Социнвест» – М.: «Горизонт», 1995. – 320 с.
- 3 Байпаков. К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. – Алматы: Ылым, 1998. – 215 с.
- 4 Кундакбаева Ж. В поисках исторического нарратива Казахстана: «Диалог памяти» или «национальная память» // Национальные истории на постсоветском пространстве. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. – С. 265-296
- 5 Таштемханова Р.М. Переселенческая деревня и ее взаимосвязи с казахским аулом во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Семиреченской области): автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02. – Алматы: АГУ им. Абая, 1994. – 28 с.
- 6 Младший жуз – группа казахских родов и племён, состоящая из трех племенных союзов: алимулы, байулы и жетыру.
- 7 Горбунова С.В. Крещенные казахи Российской Империи// Центральная Азия и Сибирь. – Барнаул: Азбука, 2003. – С. 247.
- 8 Горбунова С.В. Крещенные казахи Российской Империи// Центральная Азия и Сибирь. – Барнаул: Азбука, 2003. – С. 248.
- 9 Кундакбаева Ж. В поисках исторического нарратива Казахстана: «Диалог памяти» или «национальная память» // Национальные истории на постсоветском пространстве. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. – С. 265-296
- 10 Масанов Н.Э. История Казахстана: народы и культуры: учеб. пособие. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – С. 376.
- 11 Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. – Изд. 3-е, доп. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 61 с.
- 12 Огайон И. Седентаризация казахов СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928-1945 г.г.) / пер. с франц. А. Ракишева. – Алматы, 2009. – 368 с. («История Казахстана в западных источниках IX-XX в.в.»)
- 13 Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. – Изд. 3-е, доп. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 60 с.
- 14 Кундакбаева Ж. В поисках исторического нарратива Казахстана: «Диалог памяти» или «национальная память» // Национальные истории на постсоветском пространстве. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. – С. 265-296

- 15 Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
- 16 Наумова О.Б. Казахская диаспора в России: этническое сознание и миграционное поведение // ЭО. – №3. – 2000. – С. 60-73.
- 17 Ирредентизм – политика некоторого государства, направленная на аннексию территории иного государства, либо официальные требования этнических меньшинств отделить населенную ими территорию с целью ее включения в состав соседнего государства
- 18 Сыроежкин К.М. Казахи в КНР: очерки социально-экономического и культурного развития. – Алматы: Институт развития Казахстана, 1994. – 118 с.
- 19 Концепция репатриации этнических казахов на историческую родину (утверждена Постановлением Правительства РК от 16 сентября 1998 г.)// Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан, <http://adilet.zan.kz>
- 20 Закон Республики Казахстан «О миграции населения» от 22 июля 2011 года № 477-IV// Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан, <http://adilet.zan.kz>
- 21 Концепция репатриации этнических казахов на историческую родину (утверждена Постановлением Правительства РК от 16 сентября 1998 г.)// 22 Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан, <http://adilet.zan.kz>
- 22 Мендикулова Г.М. Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие. – Алматы: Ғылым, 1997. – 261 с.
- 23 Данные Агентства Республики Казахстан по статистике. Официальный сайт: www.stat.gov.kz
- 24 Шалабаева Г.К. Казахстан: от древних цивилизаций к современности: учебное пособие. – Алматы: Экономика, 2007. – 258 с.
- 25 Ергалиева Р.А. «Вперед в прошлое» как мейнстрим современной культурной ситуации в Казахстане // Журнал «Керуен». – Алматы, 2008. – № 4 (13). – С. 113-116.
- 26 Юркевич Ю. Белорусская культурная травма: перспективы излечения // <http://3dway.org>
- 27 Махмудова Ш. Проблема адаптации казахов-оралманов из Китая в Казахстане. Информационно-аналитический центр Лаборатории общественно-политического развития стран ближнего зарубежья// <http://www.ia-centr.ru>
- 28 Эренграсс Б.А. Мировая художественная культура: учеб. пособ. – М.: Высшая Школа, 2001. – 767 с.
- 29 Койгельдиев М.К. «Культурное наследие» и особенности формирования исторического познания в обществе // Культурное наследие Казахстана: открытия, проблемы, перспективы: материалы Международной научной конференции. – Алматы, 2005. – С. 405-411.
- 30 Benjamin Disraeli. Sybil or The Two Nations OUP General, Oxford University Press, 2011.
- 31 Художественное образование в Республике Казахстан: осмысление национальных традиций и сближение культур// Научно-аналитический доклад подготовлен в рамках пилотного проекта ЮНЕСКО и МФГС «Художественное образование в странах СНГ: развитие творческих возможностей в XXI веке». – Алматы, 2010. – 8 с.
- 32 Ажигали С.Е. Общие итоги этнокультурных исследований казахской диаспоры Центральной Азии (Монголия, Китай, Россия)//<http://www.qazaq-alemi.kz>
- 33 Азина М. Положение казахской общины в СУАР КНР // Казахстан в глобальных процессах. Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан. – ТПО ТОО «Жибек жолы», 2008.- №2. – 132 с.
- 34 Жумасейтова, Г. Духовный опыт казахов Китая: [группа ученых Ин-та лит. и искусства им.Ауэзова вернулась из экспедиции по Китаю] // Республиканская газета: Литер. – 2013. – 11 сентября. – С. 4.
- 35 Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. / под общей редакцией С.Н. Бобылева / Дизайн-макет, допечатная подготовка, печать: ООО «РА ИЛЬФ», 2013. – 202 с.
- 36 Творческие индустрии в современном городе: как развивать талант и предпринимательство в Санкт-Петербурге// <http://www.creative.leontief.net>

References

- 1 Kadir Ertai. K probleme etnogeneza kazahov //Sbornik naychnih trydov KazNY im. Al-Farabi «Aktualnie problemi politicheskoi nayki Kazahstana». – Almati, 2007. – № 4 (10). – S. 128-132.
- 2 Masanov N.E. Kochevaya civilizaciya kazahov. Almati «Socinvest» – М.: «Gorizont», 1995. – 320 s.
- 3 Baipakov. K.M. Srednevekovie goroda Kazahstana na Velikom Shelkovom pyti. – Almati: Filim, 1998.-215 s.
- 4 Kyndakbaeva J. V poiskah istoricheskogo narrativa Kazahstana: «Dialog pamyatei» ili «nacionalnaya pamyat» // Nacionalnie istorii na postsovetском prostranstve. – М.: Fond Fridriha Naymanna, AIRO-HHI, 2009. – S.265-296.
- 5 Tashtemhanova R.M. Pereselencheskaya derevnya i ee vzaimosvyazi s kazahskim aylom vo vtoroi polovine HИH – nachale HH veka (na materialah Semirechenskoi oblasti): avtoref. dis. kand. ist. nayk: 07.00.02. – Almati: AGY im. Abaya, 1994. – 28 s.
- 6 Mladshii jyz – gryppa kazahskih rodov i plemyon, sostoyashaya iz treh plemennih souzov: alimyli, baiyli i jetiry.
- 7 Gorbynova S.V. Kreshennie kazahi Rossiiskoi Imperii// Centralnaya Aziya i Sibir. – Barnayl: Azbyka, 2003. – S. 247.
- 8 Gorbynova S.V. Kreshennie kazahi Rossiiskoi Imperii// Centralnaya Aziya i Sibir. – Barnayl: Azbyka, 2003. – S. 248.

- 9 Kyndakbaeva J. V poiskah istoricheskogo narrativa Kazahstana: «Dialog pamyatei» ili «nacionalnaya pamyat» // Nacionalnie istorii na postsovetском prostranstve. – M.: Fond Fridriha Naymanna, AIRO-HHI, 2009. – S.265-296
- 10 Masanov N.E. Istoriya Kazahstana: narodi i kultyri / Ycheb. posobie. – Almati: Daik-Press, 2001. – S. 376.
- 11 Hazanov A.M. Kochevnik i vneshnii mir. Izd. 3-e, dop. – Almati: Daik-Press, 2002. – 61 s.
- 12 Ogaion I. Sedentarizatsiya kazahov SSSR pri Staline. Kollektivizatsiya i socialnie izmeneniya (1928-1945g.g.) /Per. S franc. A.Rakisheva. – Almati, 2009. – 368 s. («Istoriya Kazahstana v zapadnih istochnikah IX-XX v.v.»)
- 13 Hazanov A.M. Kochevnik i vneshnii mir. Izd. 3-e, dop. – Almati: Daik-Press, 2002. – 60 s.
- 14 Kyndakbaeva J. V poiskah istoricheskogo narrativa Kazahstana: «Dialog pamyatei» ili «nacionalnaya pamyat» // Nacionalnie istorii na postsovetском prostranstve. – M.: Fond Fridriha Naymanna, AIRO-HHI, 2009. – S.265-296
- 15 Assman Ya. Kultyrnaya pamyat. Pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v visokih kultyrah drevnosti.- M.: Yaziki slavyanskoi kultyri, 2004. – 368 s.
- 16 Naymova O.B. Kazahskaya diaspora v Rossii: etnicheskoe soznanie i migracionnoe povedenie//EO. – №3. – 2000. – S. 60-73.
- 17 Irredentizm – politika nekotorigo gosydarstva, napravlenaya na anneksiu territorii inogo gosydarstva, libo oficialnie trebovaniya etnicheskikh menshinstv otdelit naselyaemyu imi territoriu s celu ee vklucheniya v sostav sosednego gosydarstva
- 18 Siroejkin K.M. Kazahi v KNR: ocherki socialno-ekonomicheskogo i kultyrnogo razvitiya. – Almati: Institut razvitiya Kazahstana, 1994. – 118 s.
- 19 Konceptsiya repatriatsii etnicheskikh kazahov na istoricheskuyu rodiny (ytverjdena Postanovleniem Pravitelstva RK ot 16 sentyabrya 1998 g.)// Informacionno-pravovaya sistema normativnih pravovih aktov Respybliki Kazahstan, <http://adilet.zan.kz>
- 20 Zakon Respybliki Kazahstan «O migratsii naseleniya» ot 22 iyulya 2011 goda № 477-IV// Informacionno-pravovaya sistema normativnih pravovih aktov Respybliki Kazahstan, <http://adilet.zan.kz>
- 21 Konceptsiya repatriatsii etnicheskikh kazahov na istoricheskuyu rodiny (ytverjdena Postanovleniem Pravitelstva RK ot 16 sentyabrya 1998 g.)// 22 Informacionno-pravovaya sistema normativnih pravovih aktov Respybliki Kazahstan, <http://adilet.zan.kz>
- 22 Mendikylova G.M. Istorieskie sydbi kazahskoi diaspori. Proishojdenie i razvitie. – Almati: Gilim. 1997. – 261 s.
- 23 Dannie Agentstva Respybliki Kazahstan po statistike. Oficialnii sait: www.stat.gov.kz
- 24 Shalabaeva G.K. Kazahstan: ot drevnih civilizatsii k sovremennosti. Ychebnoe posobie. – Almati: Ekonomika, 2007. – 258 s.
- 25 Ergalieva R.A. «Vpered v proshloe» kak meinstrim sovremennoi kultyrnoi sityatsii v Kazahstane//Jurnal «Keryen». – Almaty, 2008. – № 4 (13). – S. 113-116.
- 26 Urkevich U. Belorysskaya kultyrnaya travma: perspektivi izlecheniya // <http://3dway.org>
- 27 Mahmydova Sh. Problema adaptatsii kazahov-oralmanov iz Kitaya v Kazahstane. Informacionno-analicheskii centr Laboratorii obshchestvenno-politicheskogo razvitiya stran blijnogo zarybejya// <http://www.ia-centr.ru>
- 28 Erengross B.A. Mirovaya hydojestvennaya kultyra / Ycheb. posob. – M.: Visshaya Shkola, 2001. – 767 s.
- 29 Koigeldiev M.K. «Kultyrnoe nasledie» i osobennosti formirovaniya istoricheskogo poznaniya v obshestve // Kultyrnoe nasledie Kazahstana: otkritiya, problemi, perspektivi. Materiali Mejdynarodnoi naychnoi konferentsii. – Almati, 2005. – S. 405-411.
- 30 Benjamin Disraeli. Sybil or The Two Nations OUP General, Oxford University Press, 2011.
- 31 Hydojestvennoe obrazovanie v Respyblike Kazahstan: osmislenie nacionalnih traditsii i sblijenie kultyr//Naychno-analicheskii doklad podgotovlen v ramkah pilotnogo proekta UNESCO i MFGS «Hydojestvennoe obrazovanie v stranah SNG: razvitie tvorcheskikh vozmojnostei v XXI veke». – Almaty, 2010. – 8 s.
- 32 Ajigali S.E. Obshie itogi etnokultyrnykh issledovaniy kazahskoi diaspori Centralnoi Azii (Mongoliya, Kitai, Rossiya)//<http://www.qazaq-alemi.kz>
- 33 Azina M. Polojenie kazahskoi obshini v SYAR KNR» // Kazahstan v globalnih processah. Institut mirovoi ekonomiki i politiki pri Fonde Pervogo Prezidenta Respybliki Kazahstan. – TPO TOO «Jibek joli», 2008. – №2. – 132 s.
- 34 Jymaseitova, G. Dyhovnii opit kazahov Kitaya: [gryppa ychenih In-ta lit. i iskyssstva im.Ayezova vernylas iz ekspeditsii po Kitau] // Respyblikanskaya gazeta: Liter. – 2013. – 11 sentyabrya. – S.4.
- 35 Doklad o chelovecheskom razvitiy v Rossiiskoi Federatsii za 2013 g. / Pod obshei redaktsiei S.N. Bobileva / Dizain-maket, dopechatnaya podgotovka, pechat: OOO «RA ILF», 2013. – 202 s.
- 36 Tvorcheskie indyustrii v sovremennom gorode: kak razvivat talant i predprinimatelstvo v Sankt-Peterbyrge//<http://www.creative.leontief.net>